

ВЕЛИКАЯ ТЕМПОРАЛЬНАЯ РЕВОЛЮЦИЯ: УРОКИ ОКТЯБРЯ.
ОПЫТ КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Еще совсем недавно по историческим меркам, каких-нибудь тридцать лет назад, когда со всей подобающей советской эпохе помпой праздновалось семидесятилетие Октябрьской революции, мало кто из жителей СССР да и всего мира мог представить себе, что столетие Октября в России пройдет почти незамеченным и не будет сопровождаться ни торжественными парадами, ни салютами, ни высокопарными речами с официальных трибун, ни многотысячными митингами под красными флагами. Конечно, такая дата вновь вызвала интерес у историков, политологов, социологов, философов и других ученых, породила волну споров об итогах революции и о ключевых фигурах революционного процесса. Однако, каких бы взглядов ни придерживались участники научной полемики, развернувшейся вокруг 1917 года, все они сходились в одном: произошедшая сто лет назад революция, под которой теперь понимается цепь событий начиная с февраля 1917 года вплоть до начала 20-х годов прошлого века, была великой по своему значению, повлияв на весь ход всемирно-исторического процесса. Оценивая результаты Октября, специалисты рассматривали самые разные стороны общественной жизни, обходя вниманием колоссальные последствия, проявившиеся в кардинальном изменении темпоральной парадигмы: революция привела к становлению качественно нового восприятия

времени. Прошедший юбилей заставил нас вновь обратиться к написанной несколько лет назад статье, посвященной переориентации временных модусов на рубеже XX–XXI веков, в которой уже затрагивалась эта проблематика, дополнить, углубить, а в некоторых случаях и переосмыслить сделанные ранее наблюдения [Егорова 2012].

Любой исследователь, чья область интересов включает в себя время как форму бытия и одну из базовых категорий культуры, сталкивается с множеством трудностей, порожденных самой природой времени, об особенностях которой писал еще Аристотель: «Что время или совсем не существует, или едва существует, будучи чем-то неясным, можно предполагать на основании следующего. Одна часть его была и уже не существует, другая – в будущем, и ее еще нет; из этих частей слагается и бесконечное время, и каждый раз выделяемый промежуток времени. А то, что слагается из несуществующего, не может, как кажется, быть причастным существованию» [цит. по Гайденок 2005: 334]. Несмотря на то что со времен Аристотеля прошло уже более двух с половиной тысяч лет, наблюдения древнегреческого философа не потеряли своей актуальности. В приведенной цитате речь идет о двойственной сущности времени, которая кроется в специфике его составляющих – настоящего, с одной стороны, и прошлого и будущего – с другой. Триаду настоящее – прошлое – будущее в современной темпорологии принято называть модусами времени.

Ученые видят причину качественного отличия модуса настоящего от модусов прошлого и будущего в том, что эти модусы расположены в различных когнитивных полях. Специфика модусов времени такова, что они могут целиком располагаться только в одном когнитивном поле: настоящее – в поле имманентности, прошлое и будущее – в поле трансценденции. Поле имманентности характеризуется наличием объектов, способных становиться предметом эмпирического исследования. Объекты, расположенные в поле трансценденции, эмпирически изучены быть не могут [Любинская, Лепилин 2002: 60].

Временные модусы тесно связаны с темпоральными моделями: линейной и циклической. Циклическая модель характерна для культур, функционирование которых определяется повторением природных ритмов и во многом зависит от них. Б.А. Успенский пишет, что «такое представление о времени соответствует космологической модели мира: космологическое сознание предполагает именно, что в процессе времени постоянно повторяется один и тот же онтологически заданный текст. Прошлое, настоящее и будущее предстают тогда как реализации некоторых исходных форм — иначе говоря, время повторяется в виде формы, в которую облакаются индивидуальные судьбы и образы» [Успенский 1996: 47]. В линейной модели находят отражение представления о времени, свойственные урбанистической цивилизации, в меньшей мере подверженной воздействию природных процессов. Сознание городского жителя по сути своей исторично, а историческое сознание, по словам Б.А. Успенского, «предполагает линейное и необратимое (неповторяющееся), а не циклическое (повторяющееся) время. Для этого сознания... центральной является идея эволюции (а не идея предопределенности всего сущего) — эволюции, в процессе которой постоянно возникает принципиально новое состояние (а не повторяется старое). Каждое действительно новое состояние предполагается связанным при этом причинно-следственными отношениями с каким-то предшествующим состоянием (но не с изначальным прошлым)» [Успенский 1996: 47]. По мнению Б.А. Успенского, в жизни человека и общества могут одновременно присутствовать обе модели восприятия времени, одна из которых актуализируется, а другая является вторичной по отношению к первой.

Культура дореволюционной России может быть охарактеризована как традиционная, т.е. такая, которой свойственна циклическая темпоральная модель, поскольку Российская империя того времени являлась аграрной страной¹, большинство населения которой было

¹ Согласно переписи населения 1897 года почти 86% населения составляли «сельские обыватели».



Варвара Степанова. *Пролетарий – творец будущего.*

Рукописный плакат, 1919 год

Частная коллекция

© Права защищены

занято в сельском хозяйстве и непосредственно зависело от природных ритмов. Рост промышленного производства в конце XIX – начале XX века наметил переход к линейной темпоральной модели, который ускорился в результате революции 1917 года и последовавшей за ней индустриализации и, как следствие, урбанизации².

Анализируя историю человечества с точки зрения сформированности и соотношения временных модусов в сознании людей, многие ученые приходят к заключению, что цивилизационные различия между эпохами и культурами определяются, в частности, доминированием того или иного модуса. Автор обширной монографии «Власть Хроноса» Т.А. Алексина в своих работах особое внимание уделяет вопросу направленности временных модусов. Она выделяет несколько типов темпоральной ориентации культур: этернализм (от англ. eternity – вечность) – ориентация на мифическую вечность; ретроспективная ориентация – направленность в прошлое вплоть до темпорального эскапизма, характерного для различных форм фундаментализма; перспективная ориентация, находящая выражение в утопических идеалах; презентизм (от англ. present) – ориентация на физическое настоящее [Алексина: ЭР].

Смена исторических эпох, крупные социальные потрясения, как правило, сопровождаются изменением темпоральной ориентации общественного сознания. Появление некоторых новых эстетических течений в культуре России начала XX века явилось предвестником перехода к новой перспективной ориентации восприятия времени. Превалирование модуса будущего нашло отражение в творчестве художников-авангардистов, наиболее ярко воплотилось в эстетике футуристов. Внутренняя форма слов, ставших названиями новых художественных течений, недвусмысленно указывает на будущее, которое мыслится тем маяком, к которому надо стремиться даже

2 Для сравнения приведем статистику, показывающую неуклонный рост городского населения согласно Всесоюзным переписям: 1927 г. – 18%, 1939 г. – 33%, 1959 – 48%, 1979 – 62%. В 2017 г. городское население Российской Федерации составляет 74,27%, что свидетельствует о гиперурбанизации страны.

ценой отказа от прошлого: «авангард» (от франц. *avant-garde*) и «футуризм» (от лат. *futurum* – будущее). Термин «авангард» применительно к художественному направлению, несмотря на свое французское происхождение, вполне русский. Весной 1910 года Александр Бенуа в рецензии на выставку «Союза русских художников» разделил всех ее участников на авангард, центр и арьергард. Причислив себя и своих друзей из «Мира искусства» к центру, он иронически назвал авангардом нескольких молодых москвичей, по его мнению слишком далеко зашедших вперед по пути разрушения традиций и принятых норм в искусстве [Бенуа 1910].

Футуристы, певцы урбанистической, машинной цивилизации³, чье творчество было полностью ориентировано на будущее, чутко уловили намечающуюся смену темпоральной парадигмы. В литературном манифесте футуристов 1912-го года «Пощечина общественному вкусу», помимо широко известного призыва «бросить Пушкина, Достоевского, Толстого, и проч., и проч., с парохода современности», высказан тезис о том, что «прошлое тесно». Можно сказать, что прошлое мыслится футуристами как некое ограниченное пространство, не вмещающее в себя нарождающееся будущее, во имя которого прошлое следует вычеркнуть из памяти: «Кто не забудет своей первой любви, не узнает последней». По мнению футуристов, называющих себя «лицом своего Времени», целью творчества должна стать «новая грядущая красота самоценного (самовитого) слова». В «Воззвании Председателей земного шара» (апрель 1917 года) Велимир Хлебников сравнивает футуристов со «стрелочниками у встречных путей Прошлого и Будущего» и формулирует цель, заключающуюся в «построении времени».

Творчество русских футуристов отразило появление зачатков нового ощущения времени в начале XX века – примата будущего над настоящим и прошлым: от прошлого следует отказаться, в настоящем ценным оказывается лишь то, что служит цели построения грядущего.

3 См., например, такие стихотворения Велимира Хлебникова, как «Город будущего», «Москва будущего».

Революционные события 1917 года ломают не только общественные отношения в стране, но и приводят к смене темпоральной парадигмы в общественном сознании. Позволим себе предположить, что победа большевиков была в немалой степени обусловлена тем, что их программа и лозунги отличались ясно и четко сформулированным целеполаганием, в котором народ видел ответ на свои чаяния. В чеканном ленинском определении революционной ситуации «низы не хотят, а верхи не могут жить по-старому» главным для нас является наречие *по-старому*, т.е. так, как сложилось в прошлом к моменту настоящего. Большевики сумели использовать назревшую в социуме необходимость смены темпоральной направленности, подарив людям мечту о светлом будущем, которое станет основой новой утопической модели временного восприятия и ради которого стоит принести самые даже страшные жертвы.

Уже через год после Октября Владимир Маяковский в стихотворении «Приказ по армии искусств», отрицая ценность прошлого – «из сердца старое вытри!» и декларируя цель ускоренного движения в будущее – «довольно шагать, футуристы, в будущее прыжок!», выражает формирующуюся перспективную темпоральную ориентацию нового строя. Это произведение поэта было впервые напечатано в газете «Искусство Коммуны», являвшейся изданием Отдела изобразительных искусств Комиссариата народного просвещения. Под шапкой газеты печатались такие лозунги-девизы, отразившие не только темпоральную направленность в будущее, но и его противопоставление прошлому, как «Пролетарий – творец будущего, а не наследник прошлого», «Будущее завтра единственная наша цель. Победенным предоставляем возможность остаться во вчера», которые легли в основу плакатов, созданных Варварой Степановой (см. рис. 1).

Постепенно резкое отрицание прошлого футуристами сменяется осознанием необходимости его осмысления и использования в целях построения нового. Так, Хлебников, прибегая к метафоре «время – поток», объясняет важность знания прошлого для

будущего: «...Промеры можно делать и для потока времени, строя законы завтрашнего дня, изучая русло будущих времен, исходя из уроков прошлых столетий» [Хлебников], а Варвара Степанова создает плакат с лозунгом «Изучайте старое, но творите новое» (см. рис. 2).

Ленин – прагматик, прекрасно осознающий ценность прошлого для построения будущего, – в речи, произнесенной в 1918 году перед представителями профсоюзов, формулирует новую концепцию времени советской эпохи: «Опыт прошлого нам поможет избежать ошибок и дает нам силы для дальнейшей работы <...>. Идите вперед, товарищи, вперед по тому пути, по которому вы шли до сих пор...» [Ленин 1918: 242–243]. В приведенной выше цитате эксплицируется хорошо известная линейная, или линейная, модель времени, которая предполагает поступательное движение человека от прошлого, которое остается позади, к будущему, расположенному впереди.

Эта явно заимствованная у христианства модель Пути, подробно описанная Н.Д. Арутюновой [Арутюнова 1998: 687–695], предполагает наличие некоего далекого, как линия горизонта, ориентира в будущем, к которому стремится человек: в христианстве конечной точкой Пути должны стать Второе Пришествие и Страшный Суд, после которого время прекратит свое течение; марксистско-ленинская идеология в качестве такой точки предлагает построение коммунизма. Закрепление в общественном сознании новой темпоральной ориентации происходит путем смены глубинной структуры культуры, которая, меняясь, остается в зависимости «от существовавшей ранее культурной модели, поскольку строится как “выворачивание ее наизнанку”, как перестановка существовавшего с переменой знаков» [Современный русский язык... 2003: 154]. Именно в силу такой перестановки знаков будущее, а вслед за ним и всё новое, ассоциирующееся с ним, получают положительную оценку, прошлое и связанное с ним старое – негативную аксиологическую интерпретацию [Современный русский язык... 2003: 156, 158–159].



Варвара Степанова. *Изучайте старое, но творите новое.*

Рукописный плакат, 1919 год

Частная коллекция

© Права защищены

Однако если в христианстве «горизонталь Времени соединилась с вертикалью Вечности в ментальном настоящем, создалось ощущение “полноты” Времени, а вместе с ним, ощущение полноты жизни» [Алексина: ЭР], то во временной линейной модели советского периода настоящее занимает подчиненное положение по отношению к будущему, а прошлое подвергается жесткому цензурированию. Модус настоящего, единственный из триады, связанный непосредственно с реальностью, оказывается ослабленным, вследствие чего восприятие времени сознанием человека, живущего в такой временной парадигме, помещается преимущественно в когнитивном поле трансценденции, т.е. время становится иллюзорным и недостижимым.

Шестое действие пьесы «Баня», написанной В.В. Маяковским в 1930 году, разворачивается на фоне «Марша времени», в котором многократно повторяется лозунг «Время, вперед!». Этот призыв стал впоследствии названием романа В.П. Катаева (1932 год), который был экранизирован в 1965 году режиссером Михаилом Швейцером. Для кинофильма Георгием Свиридовым была написана музыкальная композиция «Время, вперед!», ставшая одной из самых узнаваемых мелодий советского периода, которая использовалась в заставке информационной телепрограммы «Время». Такая широкая растиражированность лозунга «Время, вперед!» говорит о том, что время действительно воспринималось в советскую эпоху как векторно ориентированное ускоренное движение общества в направлении будущего. Ускорение хода времени в культуре советского периода подробно освещено Ю.С. Степановым в книге «Константы: Словарь русской культуры» [Степанов 1997: 171–173].

Социальный взрыв, произошедший в 1917 году, сопровождался таким выбросом энергии, обеспечившим движение времени вперед на несколько десятилетий, что инерция движения была полностью исчерпана лишь к началу 1980-х годов. Именно поэтому восприятие времени в разные периоды советской эпохи претерпевало некоторые изменения, которые нашли отражение в анекдоте, бытовавшем на излете советской власти. В основе анекдота лежит характерная

для советского дискурса предвоенного времени метафора «железная дорога – исторический путь, движение поезда – движение страны по этому пути в будущее». Вспомним слова песни 20-х годов прошлого века: «Наш паровоз, вперед лети! В коммуне остановка...», паровоз выбран в качестве метафоры не случайно, в то время он представлял собой наиболее передовое средство передвижения, выступающее символом прогресса (см. рис. 3).

Вернемся к анекдоту, который рассказывает о путешествии по железной дороге. В начале в поезде едет Ленин, но внезапно кончаются рельсы. Ленин призывает всех пассажиров на коммунистический субботник, объятые энтузиазмом люди выплавляют новые рельсы, прокладывают пути, и ход поезда продолжается. Второй этап приходится на времена Сталина, и, когда рельсы снова заканчиваются, Сталин угрожает начальнику поезда расстрелом, если в ближайшее время пути не будут проложены. Оказавшийся в аналогичной ситуации путешествующий Хрущев решает задачу просто: разобрать те рельсы, что лежат сзади, и проложить их впереди. Брежнев, столкнувшись с той же проблемой, приказывает: «Задерживаем занавески, раскачиваем вагоны – делаем вид, что едем!» Горбачев, обнаружив себя в поезде, перед которым отсутствуют рельсы, призывает пассажиров: «Откройте все окна и двери и кричите, что рельсы кончились, кричите, как можно громче!»

В емкой и остроумной форме анекдота отразилось восприятие народом советской истории. В аллегорической форме воспроизведены линейная модель пути – железная дорога и те методы, которыми достигалось поступательное движение вперед, в будущее. Отдельно стоит обратить внимание на период, когда у кормила власти находился Л.И. Брежнев. «Делаем вид, что едем!» – квинтэссенция двуличия эпохи застоя. Внутренняя форма слова *застой* недвусмысленно указывает на отсутствие какого-либо движения. В 70-е годы прошлого столетия в СССР по-прежнему декларируется движение вперед, еще звучат слова о грядущих пятилетках, с трибун съездов провозглашаются новые планы, ведется строительство. В начале 80-х



Розалия Рабинович. *Наш паровоз вперед лети!*

Плакат, 1934 год

Частная коллекция

© Права защищены

движение к будущему лишь имитируется, сила инерции иссякает. Именно в этом периоде мы видим истоки смены темпоральной ориентации современной российской культуры, о чем нельзя не сказать несколько слов.

Распад Советского Союза, слом прежнего общественного строя, мощные социальные потрясения пришились на начало 90-х годов прошлого века. Думается, что историки еще долго будут спорить, можно ли назвать эти изменения революцией, но для нашего исследования не столь важно, какой термин вернее всего отражает происшедшие в стране изменения. Несомненно одно – социальные процессы того времени сопровождались сменой темпоральной ориентации, предпосылки которой сформировались в эпоху «застоя». Сейчас можно говорить о том, что переориентация временных модусов завершилась, поколение, социализация которого проходила уже в новом тысячелетии, живет в иной темпоральной парадигме, чем поколения, выросшие в СССР.

Как воспринимаются модусы времени в постсоветскую эпоху? Кардинальные изменения претерпела связка настоящее – будущее. Модус будущего изменил направление: теперь не время (и мы вместе с ним) движется в будущее, а само будущее приходит к нам. Эта ориентация фиксируется многочисленными рекламными текстами и слоганами. В качестве примера приведем крайне показательный слоган компании Сименс (Siemens): «Siemens. Будущее приходит в дом». Можно сказать, что покупка того или иного товара сопровождается приобретением будущего: купив кофеварку, холодильник или стиральную машину, человек оказывается в будущем, которое само к нему приходит. Будущее перестает быть отдаленным иллюзорным ориентиром движения по линии времени, оно овеществляется в предметах, которые являются последними достижениями в той или иной области развития новых технологий, и, материализовавшись таким образом, проникает в настоящее, сливаясь с ним. Люди, существующие в новой темпоральной парадигме, не строят долгосрочные планы, не обеспокоены грядущим, не ставят перед собой

далекие цели, они живут здесь и сейчас, их будущее – это их настоящее.

Связка прошлое – настоящее также не осталась неизменной. В этом отношении интересные наблюдения о характерном для нашей эпохи восприятии времени сделаны известным социологом А.Б. Гофманом, который отмечает культивирование представления о том, что «история как будто вообще начинается только сейчас. <...> Беспредельная власть настоящего означает, среди прочего, тот факт, что у нас оказывается просто меньше воспоминаний как таковых. Людям просто некогда заниматься воспоминаниями, так же, как и мечтами и планами на будущее. И те, и другие, и третьи вытесняются непосредственными восприятиями теперешнего времени, или, если угодно, своего рода воспоминаниями о настоящем. В данном случае прерывается временной континуум, в котором настоящее располагается между прошлым и будущим» [Гофман 2017: 129]. Приходится констатировать, что в начале третьего тысячелетия мы вступили в период победившего презентизма.

В заключение отметим, что изучение опыта XX века необходимо для того, чтобы глубже осмыслить социокультурные процессы, происходящие сегодня. Революция 1917 года не только повлекла за собой существенные изменения в социальной и экономической сферах жизни общества, но и вызвала смену темпоральной модели: циклическая модель времени, характерная для традиционных культур, в процессе урбанизации, вызванной ростом промышленного производства, сменилась на линейную с превалированием модуса будущего. Такая модель в СССР просуществовала вплоть до 70-х годов XX века, когда общество вступило в эпоху застоя. На рубеже XX и XXI веков в России произошло новое изменение темпоральной ориентации, выразившееся в переходе от перспективной направленности, в которой доминировал модус будущего, к презентизму, главным признаком которого является примат физического настоящего. Советская утопическая модель сменилась такой временной моделью, которая в наибольшей степени отвечает запросам обще-

ства потребления. Нельзя сказать, что высшее руководство нашей страны не осознает опасности нового застоя и формирующейся в обществе потребности вырваться из вязкого болота презентизма, однако все попытки задать иной временной вектор и тем самым изменить темпоральную парадигму на ретроспективную, нашедшие выражение в поисках национальной идеи и идеальных образцов в прошлом, пока не увенчались успехом.

Гармоничное бытие человека предполагает сбалансированное соединение в его сознании всех трех временных модусов, нарушение восприятия даже одного из них может привести к самым тяжелым последствиям. Однако для решения столь важной задачи, как становление восприятия времени в его триединстве, недостаточно констатировать наличие проблемы, необходимо осознанное государством целеполагание в отношении всего общества.

Литература:

- Алексина ЭР – *Алексина Т.А.* Время как феномен культуры [Электронный ресурс] URL: http://www.chronos.msu.ru/REPORTS/aleksina_vremia.html
- Арутюнова 1998 – *Арутюнова Н.Д.* Язык и мир человека. М.: Языки русской культуры, 1998.
- Бенуа 1910 – *Бенуа А.Н.* Художественные письма. Выставка Союза. Статья IV // Речь. 1910. 19 марта.
- Гайденко 2005 – *Гайденко П.П.* Понятие времени в Античности и в Средние века // Космос и душа. Учения о вселенной и человеке в Античности и в Средние Века. М.: Прогресс-Традиция, 2005.
- Гофман 2017 – *Гофман А.Б.* Festina lente: От культуры ускорения к культуре замедления // Вопросы социальной теории: Научный альманах. 2017. Т. IX. С. 123–138.
- Егорова 2012 – *Егорова А.В.* Будущее здесь и сейчас: переориентация временных модусов на рубеже XX–XXI веков // Полифония большого города: Сб. научных статей / Под ред. Л.М. Терентия,

- В.В. Красных, А.В. Кириллиной. М.: МИЛ, 2012. С. 30–40.
- Ленин 1967 – *Ленин В.И.* Из речи на торжественном заседании Всероссийского центрального и Московского Советов профессиональных союзов. 6 ноября 1918 год // Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. XXIII. М.: Издательство политической литературы, 1967 г. С. 242–243.
- Любинская, Лепилин 2002 – *Любинская Л.Н., Лепилин С.В.* Философские проблемы времени в контексте междисциплинарных исследований. М.: Прогресс-Традиция, 2002.
- Современный русский язык... 2003 – Современный русский язык: Социальная и функциональная дифференциация / Отв. ред. Л.П. Крысин. М.: Языки славянской культуры, 2003.
- Степанов 1997 – *Степанов Ю.С.* Константы: Словарь русской культуры. Опыт исследования. М.: Школа «Языки русской культуры», 1997.
- Успенский 1994 – Успенский Б.А. Семиотика истории. Семиотика культуры. Избранные труды. Т. I. М.: Школа «Языки русской культуры», 1996.

Анастасия Владиславовна Егорова, кандидат филологических наук, заведующая кафедрой русского языка, доцент, Московский архитектурный институт (государственная академия).

Anastasia V. Egorova, PhD, Head of Russian Language Department, Associate Professor, Moscow Architectural Institute (State Academy).

Аннотация: Великая темпоральная революция: уроки Октября. Опыт культурологического исследования

В статье рассматриваются итоги революции, произошедшей в России в 1917 году, выразившиеся в изменении темпоральной парадигмы: на смену циклической модели времени приходит утопическая линейная модель, просуществовавшая до конца XX века и характеризующаяся превалированием модуса будущего.

Рубеж XX–XXI веков ознаменовался новой сменой темпоральной ориентации, выразившейся в становлении презентизма.

Ключевые слова: темпоральная ориентация, циклическая модель времени, утопическая линейная модель времени, презентизм, восприятие времени.

Résumé : La grande révolution temporelle : les leçons d'Octobre. Essai de recherche en études culturelles

Cet article se penche sur les résultats de la Révolution russe de 1917, patents par un changement dans le paradigme temporel : le modèle cyclique du temps a été remplacé par un modèle linéaire, utopique, caractérisé par la prédominance du mode futur. Ce modèle a duré jusqu'à la fin du XX^e siècle, après quoi une nouvelle orientation temporelle prend place, celle du présentisme.

Mots clés : orientation temporelle, modèle cyclique du temps, modèle linéaire utopique du temps, présentisme, perception du temps.

Abstract: The Great Temporal Revolution: Lessons from October 1917. Research Experience in Cultural Studies

The article examines the outcomes of the Russian Revolution 1917, as expressed through a change in the temporal paradigm: a cyclic model of time was replaced by a linear, utopian one, characterized by the dominance of the future mode. This model had lasted until the end of twentieth century, after which the new temporal orientation of presentism took its place.

Key words: temporal orientation, cyclical model of time, utopian linear model of time, presentism, perception of time.